

Европейский ландшафт памяти и мемориалов Второй мировой войны

Кристоф
Майснер

Вторая мировая война – самая кровопролитная война в истории человечества, унесшая от 60 до 80 миллионов жизней. Ее невероятная жестокость оставила шрамы на национальной идентичности всех ее участников, что и сегодня отражается как в памяти отдельных людей, так и в коллективной памяти групп и народов. В Европе эти различия особенно заметны вследствие того, что европейские государства прошли во время войны через совершенно разный опыт. Особенно сильно различия проявляются в мемориальном ландшафте континента.

В этой главе речь идет сначала о политике памяти Второй мировой войны в Европе и о возможности образования общеевропейской памяти. Затем будет произведена попытка разделить на категории мемориалы и места памяти, составляющие сложный и разнородный мемориальный ландшафт Европы. Будет предложена концепция двух основных кругов памяти, на которых основана коммеморативная политика государств Евросоюза: Холокост и преступления сталинизма. Если в Западной Европе центральным символом является Холокост, то в странах Восточной Европы его затмевает память о насилии, пережитом ими в период сталинизма. Лишь Россия, где память о Великой Отечественной войне прославляет память павших жертв, не входит в эти круги. Так как национальные и региональные нарративы не имеют четких границ и пересекаются, эта концепция – лишь аппроксимация, не претендующая на исчерпывающий характер.

Европейская память и связанные с ней вызовы

В 2003 году швейцарский писатель Адольф Мушг опубликовал эссе о европейской идентичности. В нем он пишет: «То, что объединяет и одновременно разъединяет Европу – это, главным образом, общая память...»¹. Этой простой, но очень точной фразой он подытожил бесконечный спор, продолжающийся с конца Холодной войны по поводу европейской памяти и общей истории стран Европы.

С начала 1990-х годов историки и музейные кураторы пытаются придумать концепцию общего музея истории Европы. Эта идея потерпела фиаско во многом из-за того, насколько различными оказались точки зрения отдельных стран (и даже внутри отдельной страны взгляды далеко не всегда однородны). И сегодня память о Второй мировой войне состоит из противоречащих друг

1

Muschg, Adolf.
“Kerneuropa”. Gedanken zur europäischen Identität // Neue Zürcher Zeitung. 31.05.2003 (<https://www.nzz.ch/article8VX08-ld.258918>)
[дата доступа: 20.11.2022].

другу воспоминаний, в то время как политики пытаются сформировать общий нарратив для всего Европейского Союза.

Согласно утверждению Клауса Леггеви и Анне Ланг, несмотря на все разногласия, страны Европы смогли прийти к соглашению по поводу общей ключевой темы памяти о войне: ею стал Холокост и его преодоление². В результате долгих интенсивных споров после войны Германия признала ответственность за это преступление. Это признание стало фундаментальным фактором, благодаря которому стало возможно объединение нарративов агрессоров и жертв. Однако это дало странам Европы возможность отделить себя от преступлений нацизма и забыть о преступлениях, совершенных их собственными гражданами, таких как пособничество нацистам³.

При этом за пределами этой центральной темы общий европейский горизонт памяти о войне обрисовать сложно. Дискуссия была в большой степени национализирована и велась в основном вокруг количества жертв, включая время от времени нарративы о коллаборации или сопротивлении. Как сказал французский историк Эрнест Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация?» в Сорбонне в 1882 г.: «... общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия»⁴. Исключение из памяти темных и позорных аспектов своей истории играет решающую роль не только в индивидуальной памяти, но и в формировании коллективной памяти группы людей или нации. Снова цитируя Ренана: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для [принципа] национальности»⁵.

Если мы согласимся с анализом Ренана, то существенные различия в опыте каждой страны и ее памяти о Второй мировой войне не могут быть сведены вместе в общий нарратив, выходящий за рамки памяти о Холокосте как об общеевропейском феномене.

Холокост как центральный элемент памяти о Второй мировой войне

Тот факт, что Холокост стал ключевым элементом памяти о Второй мировой войне, во многом объясняется тем, что в 1990-е и 2000-е проходил процесс универсализации памяти о нем, особенно на политическом уровне. Этот процесс достиг высшей точки на Стокгольмском международном форуме по Холокосту, проходившем в 2000 году, приуроченном к 55-й годовщине освобождения концлагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцима) и собравшем историков, политиков и глав государств из 46 стран. В итоговом заявлении форума его участники провозгласили:

«Мы обязуемся крепить наши усилия для развития преподавания и исследований о Холокосте и сохранения памяти о Хо-

2
Leggewie, Claus. Der Kampf um das europäische Gedächtnis. Ein Schlachtfeld wird besichtigt. München: C.H. Beck, 2011.

3
Judt, Tony. The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe // Daedalus. 1992. 121 (Fall 1992). P. 83–119.

4
Ренан, Эрнест. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 г. // Ренан Э. Собрание сочинений в 12 тт. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101. Цит. по: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php [дата доступа: 04.06.2023].

5
Указ. соч.

локосте как в тех странах, которые уже много сделали в этом направлении, так и в тех, которые намерены присоединиться к этому проекту⁶».

Этой декларацией было создано основание для будущего центрального положения памяти о Холокосте в странах – членах ЕС. Спустя пять лет, в 2005 году, ее принципы были вновь провозглашены на международном уровне, когда Европарламент принял резолюцию «О памяти о Холокосте, антисемитизме и расизме», созданную на основе Стокгольмской декларации. Эта резолюция призывала членов ЕС, прежде всего, к борьбе с ксенофобией и расизмом. Кроме того, в этой резолюции важную роль сыграла 60-я годовщина освобождения концлагеря Аушвиц-Биркенау 27 января 1945 года. Этот день объявлен европейским Днем памяти жертв Холокоста и сегодня отмечается во всех странах Евросоюза⁷. За этой резолюцией последовала декларация ООН, принятая 1 ноября 2005 года, в которой 27 января было объявлено Международным днем памяти жертв Холокоста. Эта декларация также запрещает любые формы отрицания Холокоста и призывает государства сохранять связанные с ним места⁸.

Тот факт, что ЕС и ООН смогли прийти к соглашению и принять такую резолюцию в 2005 году, отражает то доминирующее положение, которое Холокост занял в памяти о войне в западном и трансатлантическом мире еще с 1980-х годов. Однако это привело к тому, что для жителей Запада информация о других жертвах войны в странах Восточной Европы отошла на второй план. Например, мало говорилось о миллионах убитых и умерших от голода польских и советских военнопленных или о миллионе умерших гражданских лиц во время блокады Ленинграда, которая длилась более 900 дней с сентября 1941 года до января 1944 года. Сам Холокост чаще всего рассматривался через национальный вопрос либо на примере Аушвица. Такое освещение лишено более широкой контекстуализации, которая показала бы, что большинство военных преступлений происходили в Восточной и Центральной Европе. Мало освещения получает также воздействие, которое война оказала на этот регион, а также память о множестве пересекającychся категорий жертв войны.

В ЕС Холокост до сих пор остается фиксированной точкой памяти. Этот единственный фокус в общей памяти Второй мировой войны не был пересмотрен во время расширения Евросоюза на восток в 2004 году (когда к нему присоединились Эстония, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Венгрия, Мальта и Кипр) или в 2007 году (при присоединении Болгарии и Румынии) с сопутствующим включением восточноевропейского пространства опыта и памяти; в конце концов, страны Балтии уже были активными участниками конференции по Холокосту в Стокгольме в 2000 году. Однако включение в ЕС государств Восточной и Центральной Европы добавило опыт преступлений сталинизма, что в последующие годы превратилось в еще один круг памяти наряду с основной памятью о Холокосте в ЕС.

6

Declaration of the Stockholm International Forum on the Holocaust [Декларация Стокгольмского международного форума по Холокосту] // International Holocaust Remembrance Alliance. 29.01.2000, (https://www.holocaustremembrance.com/sites/default/files/stockholm_4csilver.pdf [дата доступа: 20.11.2022], перевод на русский: <https://www.holocaustremembrance.com/ru/about-us/stockholm-declaration> [дата доступа: 04.06.2023]).

7

European Parliament resolution on the Holocaust, anti-Semitism and racism // Official Journal of the European Union. P6_TA(2005)0018. 27.01.2005 (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52005IP0018&qid=166418298%209193&from=EN>) [дата доступа: 20.11.2022].

8

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 1 ноября 2005 года – 60/7 // Организация Объединенных Наций. A/RES/60/7. 21.11.2005 (<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/487/98/PDF/N0548798.pdf?OpenElement>) [дата доступа: 04.06.2023].

Преступления сталинизма как часть памяти о Второй мировой войне

После своего вступления в Евросоюз страны Восточной Европы попытались включить свою собственную историю и свои коммеморативные практики в общую политику памяти ЕС. Их главным пожеланием было включение в повестку памяти о преступлениях сталинизма, которые, по их оценкам, были сравнимы с преступлениями национал-социализма. Речь шла о том, что оба эти режима были преступными, особенно в Польше и странах Балтии. Эту точку зрения можно понять, если вспомнить фоновые события (пакт Молотова-Риббентропа) и последовавшее за ним разделение Восточной и Центральной Европы на сферы влияния нацистской Германии и Советского Союза, и все жестокие преступления, которые сопровождали эти события. Однако эта точка зрения признает, что многие историографические вопросы остаются неразрешенными и простое уравнивание обоих режимов не отвечает ни их внутренним сложностям, ни их характеру их преступлений.

Это пожелание получило резонанс, который все еще сохраняется, особенно в Восточной и Центральной Европе. Этот резонанс усиливается коммеморативными практиками на государственном и культурном уровнях, которые редко учитывают многослойную природу историографических находок. Так, государства Центральной и Восточной Европы стали продвигать пакт Молотова-Риббентропа в рамках общеевропейской памяти как свой основной историко-политический проект. Этот проект продвигается политическими кругами нескольких государств с завидным упорством и по сей день, что привело к ряду успехов.

Первым из них стала Резолюция 1481 «Необходимость международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов», принятая 25 января 2006 года⁹, за которой последовала резолюция «О европейском сознании и тоталитаризме»¹⁰, одобренная Европарламентом 2 апреля 2009 года. В этой резолюции было принято предложение пражской декларации «О европейском сознании и коммунизме», подписанной 3 июня 2008 года несколькими видными европейскими политиками, бывшими политическими заключенными и историками, сделать день 23 августа (день подписания пакта Молотова-Риббентропа в 1939 году) Днем памяти жертв тоталитарных диктатур XX века в Европе. С того времени эта дата стоит наравне с 27 января, Днем памяти жертв Холокоста. Но это равенство соблюдается лишь на формальном уровне. На самом деле 27 января получает гораздо больше внимания, чем 23 августа, особенно в Западной Европе. Это обстоятельство отражает фундаментальное отсутствие знаний со стороны Запада о том опыте, через который прошли страны Восточной Европы.

Последним из достижений на этом пути была резолюция Европарламента «О важности европейского исторического сознания для будущего Европы»¹¹, принятая в 2019 году. Эта резолюция

9

Resolution 1481 – Need for international condemnation of crimes of totalitarian communist regimes [Резолюция 1481: О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов] // PACE. 25.01.2006 (<http://assembly.coe.int/nw/xml/xref/xref-xml2html-en.asp?fileid=17403&lang=en#>) [дата доступа: 20.11.2022], перевод на русский: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJan2006%5D/Res1481_rus.asp [дата доступа: 04.06.2023]).

10

European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism // Official Journal of the European Union. P6_TA(2009)0213. 02.04.2009 (https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0213_EN.html) [дата доступа: 20.11.2022].

11

European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe // Official Journal of the European Union. P9_TA(2019)0021. 19.09.2019 (https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html) [дата доступа: 20.11.2022].

признает пакт Молотова-Риббентропа как точку начала Второй мировой войны и делает ответственными за нее нацистскую Германию и Советский Союз. Кроме того, резолюция обвиняет российское правительство в обелении преступлений коммунистического режима, восхвалении советского тоталитарного режима и использовании истории в качестве оружия в информационной войне против Европы. В завершении она призывает российское общество больше узнавать о своем «трагическом прошлом».

С историографической точки зрения мы должны призывать к дифференциации, а не к генерализации, как это делает резолюция. Ключевой вопрос для историков состоит в том, почему эти резолюции, посвященные политике памяти, проходят через парламентские слушания и не вызывают большого обсуждения. Принятию резолюции не предшествовали никакие научные консультации и общественные дискуссии, во всяком случае в немецкоязычном пространстве¹².

12

Подробнее об этой дискуссии см., например: *Drăgulin, Alexandru-Ionuț; Ciobanu, Mihaela*. History is not an “Option”. Collective Memory and ideological fragmentation in Europe // *Revista Română de Studii Eurasiatice*. 2019. XV(1–2). P. 171–192; Pistan, Carna. Collective Memory in the context of European integration processes. Some critical reflections on the EU politics of remembrance // *De Europa*. 2020. 3(2). P. 21–38; Barile, Davide. Memory and integration. The European parliament's 2019 resolution on European remembrance as a case study // *Journal of European Integration*. 2021. 8/43. P. 989–1004.

13

См. *Hoffmann, David L.* (Ed.). *The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*. New York: Routledge, 2022.

14

Putin, Vladimir. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II [75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим] // *The National Interest*. 18.06.2020 (<https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982> [дата доступа: 20.11.2022], русскоязычный вариант: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/118> [дата доступа: 04.06.2023]).

Россия, Холокост и преступления сталинизма

Третий круг памяти относится в основном к России. В России нарратив фокусируется на победе в Великой Отечественной войне, которая началась 22 июня 1941 года с вторжения нацистской Германии на территорию СССР и закончилась 9 мая 1945 года капитуляцией Вермахта. Именно так выглядит российский ландшафт памяти Второй мировой войны. В нем игнорируется ответственность Советского Союза за начало конфликта в сентябре 1939 года. В течение семидесяти лет, прошедших после окончания войны, создано нечто подобное культу победы, включающему поклонение героям войны и даже оправдывающему ужасы войны, если они привели к победному результату¹³. В дополнение к внутренним политическим выгодам это можно интерпретировать как ответ на инициативу восточноевропейских стран выставить Советский Союз ответственным за начало Второй мировой войны. Более того, эти государства считают освобождение от нацистской оккупации в 1944 году лишь началом новой, уже советской оккупации, которая продолжалась вплоть до падения режима в 1991 году.

В этой связи неудивительно, что российский президент Владимир Путин в ответ на упомянутую резолюцию «О важности европейского исторического сознания для будущего Европы» счел необходимым выступить со статьей о «реальных уроках Второй мировой войны»¹⁴. В этом тексте он отрицает ответственность Советского Союза за развязывание войны и обвиняет Польшу. Далее он пишет о добровольном присоединении стран Балтии к Советскому Союзу в 1940 году и о том, что в любом случае Советский Союз спас весь мир. Само собой, пакт Молотова-Риббентропа в этом примере явного искажения истории не упоминается.

Другие национальности, проживающие на территории СССР, играли второстепенную роль в этом восхвалении победы, узко определяемой как победа «русских», и в последующем освобождении Европы от фашизма. Впрочем, в последние три года в политике памяти Российской Федерации можно наблюдать и глобальную тенденцию на представление себя жертвой (самовиктимизацию). Наряду с памятью о героической победе все большее место занимает повествование о жертвах с акцентом на понятии геноцида. Например, в октябре 2022 года Санкт-Петербургский городской суд признал блокаду Ленинграда немецким вермахтом в 1941-1944 годах геноцидом против советского народа¹⁵. Продвигая такой нарратив, Российская Федерация, с одной стороны, желает воспользоваться существующей тенденцией в политике памяти, чтобы смягчить свой статус изгоя, с другой – на фоне заявлений о «геноциде» русскоязычного населения Донбасса это позволяет оправдывать агрессивную войну против Украины: якобы сейчас, как и тогда, солдаты гибнут, чтобы предотвратить геноцид и победить «зло». Жертвы Холокоста и других преступлений национал-социализма во многом отведены на задний план и упоминаются лишь частично. Героями в этом нарративе могут быть только те, кто участвовал в боевых действиях¹⁶.

В такой ситуации для жертв и их родственников особенно болезненно то, что для памяти об ужасах ГУЛАГа, где погибло около четырех миллионов человек, нет места в российской культуре и политике памяти. Эти преступления были признаны российским государством, но увековечивание памяти их жертв никак не продвигается на государственном уровне, а в последние годы оно было полностью подавлено¹⁷. В декабре 2021 году Российская Федерация продемонстрировала, что она более не заинтересована в обращении к этой главе своей истории, когда суд вынес решение о закрытии Международного Мемориала, единственной независимой организации, проводившей исследования о жертвах и устройстве ГУЛАГа.

Существует ли общеевропейская память о Второй мировой войне?

Итак, европейское пространство памяти можно грубо разделить на три части, каждая из которых зависит от двух других и строится на их основе. Конечно, такое разделение ни в коей мере не отображает всей сложности пространства памяти о Второй мировой войне. Однако оно может помочь хоть немного разобраться в запутанных клубках воспоминаний. При этом фокус на политике памяти может лучше показать их различия. Цель нивелировать различия памятней о Второй мировой войне нами не ставится. Напротив, мы пытаемся достичь единства различий: именно к этому призывает последняя часть этой главы, главный вопрос которой формулируется следующим образом: возможно ли формирование общеевропейской памяти?

15

См.: Горсуд Петербурга признал геноцидом блокаду Ленинграда // Интерфакс. 20.10.2022 (<https://www.interfax.ru/russia/868761>) [дата доступа: 20.11.2022]. Ранее, в 2020 г., суд в Новгородской области признал геноцидом массовое убийство гражданского населения деревни Жестяная Горка в 1942–1943 гг. Следующим стал Псковский областной суд, в августе 2021 г. признавший преступления, совершенные нацистской Германией в этом регионе геноцидом советского народа.

16

См. *Zeltser, Arkadi*. *Unwelcome Memory. The Holocaust Monuments in the Soviet Union*. Jerusalem: Yad Vashem, 2019.

17

См. *Bogumil, Zuzanna*. *Gulag Memories. The Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past*. New York, Oxford: Berghahn, 2018.

С 80-х годов XX века евреи – жертвы Холокоста получали все большее количество внимания общества, в то время как жертвы сталинизма, которые подверглись депортациям, пыткам, непосильному труду и казням, не получили соответствующего места в европейской памяти. Каким же образом можно свести друг с другом эти столь разные круги памяти?

Чтобы этого достичь, нам следует перестать стремиться к формированию общей, одинаковой для всех и гармоничной европейской памяти. Вместо этого мы должны взять за основу правило, заключенное в девизе ЕС: «Единство в разнообразии». Поэтому общая европейская история Второй мировой войны должна стать чем-то большим, чем простая сумма национальных и региональных версий истории. Мы должны принять тот факт, что нарративы памяти многообразны.

Если ты не знаешь о прошлом человека, ты не можешь говорить с ним о его будущем. Фундаментальными основами для такого разговора являются эмпатия и практика самокритичной рефлексии. Чтобы развить эти навыки, нужно часто вставать на место другого и стараться понять альтернативную точку зрения. Именно поэтому в разговоре о сложном европейском ландшафте памяти необходим мультиперспективный и диалогический подход¹⁸.

Еще одна предпосылка для применения этого подхода – это необходимость хорошо знать особенности коммеморативных практик ваших соседей. В идеале мультиперспективный и диалогический подход требует консенсуса относительно того, как следует поступать в случае возникновения исторических разногласий. Как минимум все должны согласиться, что следует избегать выставления друг другу счетов и сравнения жертв, т.е. споров о том, кто больше пострадал. Главное в этом подходе – не начать оправдывать свои грехи через грехи других людей, т.к. это может приводить к релятивизации своей собственной вины. Венгерский писатель Петер Эстерхази пишет об этом в своей книге, вышедшей в 2004 году: «Покрывать свои собственные преступления, ссылаясь на немцев – это европейская привычка. Ненависть к немцам стала основой всего поствоенного периода»¹⁹. Соревнования между группами жертв или степень пережитых страданий ведут к маргинализации²⁰. Выдвижение одной группы на роль пострадавшей больше других приводит к тому, что страдания всех остальных забываются или вовсе ставятся под вопрос. Такие подходы не годятся для формирования плюралистической политики памяти, которая превалировала в последние три десятилетия после окончания Холодной войны (во всяком случае, в Западной Европе).

Вторая, еще более важная предпосылка состоит в том, что мирное разрешение конфликтов памятней возможно лишь тогда, когда все стороны согласны, что ни одна из памятней не может доминировать над остальными. Общая дискуссия возможна лишь в том случае, если все стороны согласятся с положением, что история не может быть превращена в оружие, служащее для легитимизации войны в настоящем.

18

Диалогическое памятование противопоставляется антагонистическому, в котором выдвигается требование к другим признать определенный взгляд на прошлое как единственно правильный.

19

Esterhazy, Peter. Alle Hände sind unsere Hände // Süddeutsche Zeitung. 11.10.2004. S. 16.

20

См. Ассман, Алейда. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Москва: НЛО, 2014. С. 293–294.

Прийти к соглашению хотя бы по одному этому вопросу крайне сложно, и это сегодня демонстрирует война, которую Россия ведет против Украины. В этой войне исторические мифы, претензии и обиды, которые породили ранее «войну памяти»²¹ в Восточной и Центральной Европе, теперь используются в качестве предлога для того, чтобы нарушить мир в Европе посредством военного вторжения.

Несмотря на это, гражданское общество и политики Европы не должны отчаиваться. В последнее время реализовано достаточное количество проектов, которые поставили цель возродить диалог между различными историческими нарративами. Программа «Параллели памяти» (Confronting Memories) – это успешный пример подобного проекта. Учителя, историки и гражданские активисты из различных стран Восточной Европы встречаются друг с другом для того, чтобы пролить свет на различия между версиями исторических событий в своих странах и одновременно чтобы лучше понять друг друга.

Еще одна важная инициатива – это Европейская сеть памяти и солидарности (European Network for Remembrance and Solidarity, ENRS), основанная в 2005 г. Эта организация предоставляет поддержку академическим исследованиям, образовательным проектам и мероприятиям через сеть партнерских организаций и исследователей из разных стран.

Эти две инициативы дают пример того, как можно формировать рамки политики памяти. Европейская коллективная память о Второй мировой войне должна включать в себя столько же разнообразных нарративов, сколько в ней стран и культур. Она не должна регулироваться резолюциями Европарламента и, конечно, не может внедряться за счет государственных актов или рутинных коммеморативных ритуалов. Одинаковая для всех память не представляется ни возможной, ни желательной, потому что она всегда будет неполной и избирательной. Вместо этого необходимо признавать существование противоречий в истории и устанавливать основу для сосуществования в настоящем и в будущем при помощи освещения сложной картины прошлого.

Немецкий политолог Клаус Леггевие писал о «европейском поле битвы памяти»²². Чтобы положить конец этой битве, память о Холокосте, важность которой не подвергается сомнению, не должна вытеснять память о систематическом уничтожении «классовых и национальных врагов» в странах, попавших в зону влияния Советского Союза. Достижение этой цели требует расширения наших знаний: они должны включать не только историю нашей собственной страны, но и историю наших соседей. Поэтому наш конечный посыл настолько же прост, как и логичен: в будущем нам потребуется еще более межнациональный и мультиперспективный подход к преподаванию истории, чтобы у учеников была возможность с самого начала развивать эмпатию по отношению к по-иному прожитому историческому опыту. Такая цель может показаться идеалистической и сложной для достижения в школах Европы – но, без сомнения, стремиться к этому стоит.

²¹ Подробнее о термине «война памяти» см. там же.

²² Leggewie, Claus. Op. cit.

Европейская карта мемориалов и музеев. Попытка обзора

Мемориальный ландшафт Европы столь же разнороден, как и ее ландшафт памяти. Пьер Нора пишет: «Память – это вечно актуальный феномен, связывающий нас с вечным настоящим, а история – это представление прошлого. [...] Память помещает воспоминание в область сакрального, а всегда прозаическая история возвращает его обратно»²³. Это напряжение проявляется в том факте, что память связывается с определенными местами, а история – с событиями. Поэтому при организации мемориалов воспоминания отдельных людей инкорпорируются в коллективную память, где они могут сохраниться для будущих поколений. После ухода поколения очевидцев исторических событий межличностная коммуникативная память переводится в более широкую коллективную память и кристаллизуется в материальных объектах, которые принимают на себя новую важную функцию. Цель коллективной памяти состоит в том, чтобы обеспечить будущие поколения историческим и моральным компасом.

Мы не знаем, как память будет изменяться в будущем, учитывая возникновение новых контекстов и споров. Поэтому единственное, что мы можем, – представить обзор и попытку категоризации того мемориального ландшафта, что существует на сегодняшний день.

Официальные мемориалы, посвященные военным кампаниям

Первая категория мемориалов включает в себя мемориальные комплексы, построенные на местах, сыгравших ключевую роль в военных операциях и битвах. Вторая мировая война во многом состояла из таких событий, происходивших по всей Европе, а также в некоторых регионах Азии и Африки. Соответственно, имеется множество мест, отвечающих данному определению.

Большинство памятников и мемориалов, подпадающих под эту категорию, находятся в Восточной Европе. Именно там вермахт и другие национал-социалистические военизированные структуры вели беспощадную войну на уничтожение. При этом огромные потери, понесенные Красной Армией, объясняются также и тем, что советская тактика военных действий не предполагала мер для спасения жизни солдат.

Крупные мемориальные комплексы, увековечивающие память о важных сражениях и павших в них солдатах, были воздвигнуты, например, в Бресте, Волгограде (бывш. Сталинград), Курске, Минске и Киеве (см. Разработки уроков и Дополнение II). Огромный размер этих памятников символизирует значимость победы Красной армии и освобождения советской Родины от ужасов немецкого оккупационного режима. Такие мемориалы строились не

23

Nora, Pierre. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations*. 1989. 26 (Spring). P. 7–24.

только в советское время: мемориальные комплексы в Шерпенах (Молдова) и Ржеве (Россия) были построены уже после распада СССР. Тот факт, что новые мемориальные комплексы были построены в основном на территориях бывшего Советского Союза и получили там широкое одобрение, не вызывает удивления. Это во многом объясняется тем, что, как уже говорилось выше, героический нарратив – центральный элемент советской коммеморативной культуры, которая частично сохраняется и по сей день. Напротив, у стран-соседей, если после окончания Второй мировой войны и распада Советского Союза этот нарратив постепенно терял силу, то с началом российской агрессивной войны с Украиной, он полностью изменился, в результате чего было снесено большое количество советских памятников победы в Польше и странах Балтии (например, в Риге (Латвия) и Нарве (Эстония)²⁴.

Совершенно другая категория мемориалов – это бесчисленные большие и маленькие военные кладбища. Коммеморативные практики внутри этой категории также сильно разнятся. Так, на кладбище американских военных в Кольвиль-сюр-Мер, на знаменитом пляже Омаха, покоятся 10 тысяч солдат, погибших во время высадки американских войск в Нормандии в июне 1944 года. Кладбище представляет собой ряды белых крестов. В свою очередь, советские военные кладбища обычно представляют собой огромные братские могилы и лишь небольшое количество индивидуальных захоронений. Некоторые из братских захоронений даже не обозначены как таковые, и неизвестно, сколько солдат в них захоронено. Эта анонимность особенно заметна в советском мемориале в берлинском Трептов-парке, открытом в 1949 году: в нем не указано местоположение захоронения и не перечислены имена похороненных (хотя их список известен). Что касается немецких военных кладбищ, которые содержатся Германской комиссией по военным захоронениям, то они состоят из каменных крестов с табличками, на которых выбиты имена павших солдат. Эта работа постоянно продолжается в связи с тем, что постоянно обнаруживаются новые останки солдат.

Обе эти категории (военные мемориалы и кладбища) созданы с целью увековечить память солдат, павших на поле битвы. Но солдаты погибали не только на полях сражений, как думают многие. Одну из наиболее многочисленных групп жертв Второй мировой войны составляли военнопленные. В плену их погибло более трех миллионов, т. е. 60 % от их общего числа умерших. Советские военнопленные – это самая большая группа жертв нацизма после жертв Холокоста²⁵, однако в коллективной памяти стран бывшего Советского Союза и Европы они практически забыты. Поэтому лагеря военнопленных для солдат и офицеров, где против них порой совершались серьезные преступления, стали местами памяти, которым следует уделять особое внимание. Особенно важно, что в этой категории мемориальных мест неизбежно стирается строгое разделение между погибшими военными и гражданскими лицами. В немецких военных концлагерях (например, Нойенгамме под

24

Henley, J. Estonia removes Soviet-era tank monument amid Russia tensions // The Guardian. 16.08.2022 (<https://www.theguardian.com/world/2022/aug/16/estonia-removes-soviet-era-tank-monument-amid-russia-tensions-narva>) [дата доступа: 20.11.2022]; Latvia removes Soviet-era monument in Riga // Deutsche Welle. 25.08.2022 (<https://www.dw.com/en/latvia-removes-soviet-era-monument-in-riga/a-62933639>) [дата доступа: 20.11.2022].

25

См. Blank, Margot; Quinkert, Babette. Dimensions of a Crime. Soviet Prisoners of War in World War II. Berlin: Museum Karlshorst, 2021.

Гамбургом) содержались также и другие категории узников. Кроме того, существовали также трудовые лагеря, куда были интернированы военнопленные²⁶. То же можно увидеть и на постсоветских территориях, где в лагерях, относящихся к системе ГУЛАГа, также содержались и немецкие военнопленные.

Официальные мемориалы памяти жертв войны

Следующая категория мемориалов посвящена памяти жертв среди гражданского населения. Наиболее известные из этих мемориалов – концентрационные лагеря и лагеря смерти, еврейские гетто. В нашем сборнике эту категорию представляют уроки, посвященные концлагерю Аушвиц-Биркенау и Кишиневскому гетто (см. Разработки уроков). Однако, говоря о массовых убийствах евреев, можно упомянуть и предшествующую появлению концлагерей фазу: так называемый «расстрельный Холокост». Эта фаза особенно значима в Восточной и Центральной Европе, где были расстреляны тысячи евреев. Один из посвященных ей мемориалов – комплекс «Бабий Яр» в Киеве, где в сентябре 1941 года немцы и их украинские пособники за один день расстреляли более 36 тысяч евреев. Это, вероятно, наиболее известный из символов этой более ранней фазы Холокоста.

26

Otto, Reinhard; Keller, Rolf. *Sowjetische Kriegsgefangene im System der Konzentrationslager*. Wien: New Academic Press, 2019.

27

Результаты проекта «Protecting Memory. Protecting and Memorialising Holocaust Mass Graves in Ukraine» см. здесь: https://www.stiftung-denkmal.de/wp-content/uploads/ERINNERUNG-BEWAHREN_ENGLISCH.pdf [дата доступа: 20.11.2022]. Другой важный и результативный германско-украинский проект – «Erinnerung lernen / Вчимось пам’ятати» (<https://erinnerung-lernen.de>) [дата доступа: 20.11.2022].

28

Примеры см. *Davies, Franziska*; *Makhotina, Katja*. *Offene Wunden Osteuropas. Reisen zu Erinnerungsorten des Zweiten Weltkriegs*. Darmstadt: WBG, 2022. P. 195–220.

29

См. *Rudling, Per Anders*. *The Khatyn Massacre in Belorussia: A Historical Controversy Revisited // Holocaust and Genocide Studies*. 2012. 1/26. P. 29–58.

Многие из этих мест и сегодня остаются на периферии культуры памяти, окружающей Вторую мировую войну. Некоторые даже никак не отмечены. В Украине был реализован совместный украинско-германский проект, целью которого было найти подобные места и поставить там мемориальные знаки²⁷. Универсализация Холокоста и его центральное место в культурах памяти европейских государств способствуют тому, чтобы коммеморативные практики развивались в этом направлении. Однако жертвами массовых убийств в лагерях и городах были далеко не только евреи, и это заставляет нас обратить больше внимания на другие категории жертв, пока очень слабо представленные в европейском мемориальном ландшафте. Например, в центре Берлина, недалеко от всемирно известного мемориала убитым евреям Европы, есть также памятники убитым нацистами цыганам, гомосексуалам, а также жертвам программы умерщвления больных людей (известной как операция «Тиргартенштрассе»). Этот пример показывает, как можно возвращать память об остальных категориях жертв нацизма. Постепенно подобные памятники появляются и в других местах Европы, а не только в Берлине.

Кроме городских мемориалов и концлагерей, существуют мемориалы на месте сожженных деревень²⁸. Во многих случаях деревни сжигались с целью устрашения или в качестве мести за действия партизан против немецких оккупантов. Самый известный из подобных мемориалов – это открытый в 1969 году мемориал в белорусской деревне Хатынь, который увековечил память 5 295 уничтоженных в ходе войны деревень²⁹. Однако

за пределами Восточной Европы он практически не известен. В Западной Европе главный символ из этой категории – деревня Орадур-сюр-Глан, жители которой были тоже убиты нацистами³⁰.

Перечислить все места преступлений национал-социализма и все группы жертв не представляется возможным, но важно отметить, что мемориалы, места памяти или просто памятные таблички существуют во всех странах Европы.

Можно назвать немало случаев, когда история сопротивления оккупационному режиму (нацистской Германии и/или СССР) играет важную роль в национальной культуре памяти, выступая в качестве предмета коллективной гордости и патриотизма. Это особенно заметно на территориях, оккупированных Советским Союзом в 1939 году: в странах Балтии и в Украине. Некоторые из этих государств получили невероятно тяжелый опыт двойной оккупации. В 1939 году они были оккупированы СССР, а в 1941 году, после вторжения Германии в СССР, они перешли под немецкую оккупацию. После отступления немцев возобновилась советская оккупация, которая продолжалась до распада СССР в 1991 году. Все это составляет важную часть мемориального и музейного ландшафта этих стран.

Один из примеров преступлений нацистов в Балтийском регионе – так называемый «воспитательно-трудовой лагерь» и «расширенная тюрьма Саласпилс» (Латвия), построенный зимой 1941-42 годов в 20 км от Риги. На строительстве в нечеловеческих условиях работали евреи, депортированные из германского Рейха. Это был крупнейший лагерь в Балтийском регионе, в котором содержались не только гражданские лица из Латвии, но и политические заключенные из многих других стран. Мемориал на этом месте был построен в 1967 году. На площадке, на которой устраивались переклички заключенных, воздвигнуты скульптуры, символизирующие страдания жертв, а также их стойкость и успех местных антифашистов в борьбе против нацистского режима.

Мемориал на станции Торнякалнс, в свою очередь, посвящен депортациям латышей, производившимся по приказу Сталина в 1941 году. Он был открыт в 2001 году президентом страны Вайрой Вике-Фрайбергой в 60-летнюю годовщину этого события. Группа скульптур в центре композиции окружена камнями, на которых нанесены названия мест, куда отправлялись депортированные (Воркута, Омск, Вятлаг, Караганда и т. д.).

Музеи, посвященные историческим событиям

Музеи – это специальные учреждения для образования и сохранения культуры, и поэтому они должны рассматриваться отдельно от мемориалов и мест памяти. Если мемориалы привязаны к истории конкретного места и тех людей, которые там когда-то жили или погибли, то согласно определению, данному в уставе Международного совета музеев (ИКОМ):

30

Обзор мест памяти, посвященных не только жертвам Холокоста, но и другим группам жертв, см. на Информационном портале европейских мест памяти (Information Portal to European Sites of Remembrance): <https://www.memorialmuseums.org/europe> [дата доступа: 20.11.2022].

Музей — это действующая на постоянной основе некоммерческая организация, которая служит обществу, заботится об общественном развитии, является открытой для публики и с целью познания, обучения и развлечения собирает, хранит, изучает, демонстрирует и популяризирует материальное и нематериальное наследие человечества и среды его обитания³¹.

Из этого следует, что музеи не обязательно должны располагаться в местах, имеющих историческое значение. Вспомним в этой связи Мемориал истории Шоа в Париже или Еврейские музеи в Берлине и Варшаве.

В нашем пособии используется пример музея Берлин-Карлсхорст (см. Разработки уроков). Музей находится на том месте, где германский Вермахт подписал акт капитуляции 8-9 мая 1945 года. Его постоянная экспозиция концентрируется вокруг германской войны на уничтожение против СССР. Музей не выделяет какую-то одну категорию жертв в качестве основной. Напротив, он фокусируется на окончании войны как на моменте искупления, в то же время не забывая о ее жертвах. Другие музеи тоже пытаются показать более широкую перспективу войны, при этом уделяя внимание памяти жертв — например, музеи в Гданьске, Киеве, Минске и Москве.

Преступления сталинского режима также отражены в экспозиции таких музеев, как Музей оккупации в Риге, а также Музей оккупации и борьбы за свободу в Вильнюсе. Последний расположен в здании, которое служило штаб-квартирой гестапо, а затем и КГБ. Оба эти музея совмещают представление как германской, так и советской оккупации. Музей «Дом Террора» в Будапеште использует тот же подход. Экспозиция, выставленная в первом зале, посвящена жертвам обоих режимов. К сожалению, с дидактической точки зрения этот подход не всегда удачен, потому что он ведет к сравнению жертв, чего, как уже говорилось, следует всеми силами избегать.

Неофициальные мемориалы и частные инициативы

Государственный мемориальный ландшафт, состоящий из памятников, мемориальных знаков (табличек) и музеев дополняется менее известными и более неформальными коммеморативными инициативами со стороны гражданского общества. В нашем пособии представлен пример проекта «Камни преткновения», который появился в Германии в 1992 году как индивидуальная инициатива. Цель проекта — сохранение памяти о конкретных людях, ставших жертвами Холокоста. За последние три десятилетия эта инициатива распространилась по всему континенту, и сегодня такие мини-мемориалы можно увидеть в тридцати странах Европы.

31

'Statutes as amended and adopted by the Extraordinary General Assembly on 9th June 2017' [Устав (с дополнениями и изменениями, внесенными на внеочередной Генеральной Ассамблее ИКОМ 9 июня 2017 г.)], International Council of Museums (https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/07/2017_ICOM_Statutes_EN.pdf [дата доступа: 20.11.2022], перевод на русский: (https://icom-russia.com/upload/uf/925/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%20%D0%98%D0%9A%D0%9E%D0%9C_2017.pdf [дата доступа: 04.06.2023])).

С 2014 года подобный проект под названием «Последний адрес» развивается в Восточной Европе. В его рамках на стене домов, в которых жили и из которых были увезены жертвы сталинского режима, устанавливаются мемориальные таблички. Несмотря на неофициальный статус этих проектов, местные власти и общество оказывают им поддержку или как минимум не возражают против них. Таким образом, неформальные проекты обрели свое место в культуре памяти европейских государств, несмотря на то или даже благодаря тому, что появились в результате инициативы «снизу».

Заключение

Представленная в этой главе панорама европейского мемориального ландшафта показывает все разнообразие как содержания памяти, так и коммеморативных практик. Жертвы не должны быть забыты – и для этого память о них нужно постоянно поддерживать и уравнивать. Это особенно важно на фоне российской агрессии против Украины. Эта война наносит раны и оставляет новые шрамы, которые тоже останутся в европейской памяти и потребуют коллективной работы для того, чтобы когда-нибудь они могли зажить.

Память не должна становиться самоцелью. Вместо этого она должна работать на то, чтобы вырабатывать общее и историческое понимание, признавать страдания и разрушения, причиненные войной и оккупацией. Главное, к чему должны приводить коммеморативные памятования – это наша возможность сегодня сделать необходимые выводы из прошлого, чтобы формировать общее будущее мирной и демократической Европы. Мы не должны забывать об этом, несмотря на все наши разногласия по поводу истории и памяти.